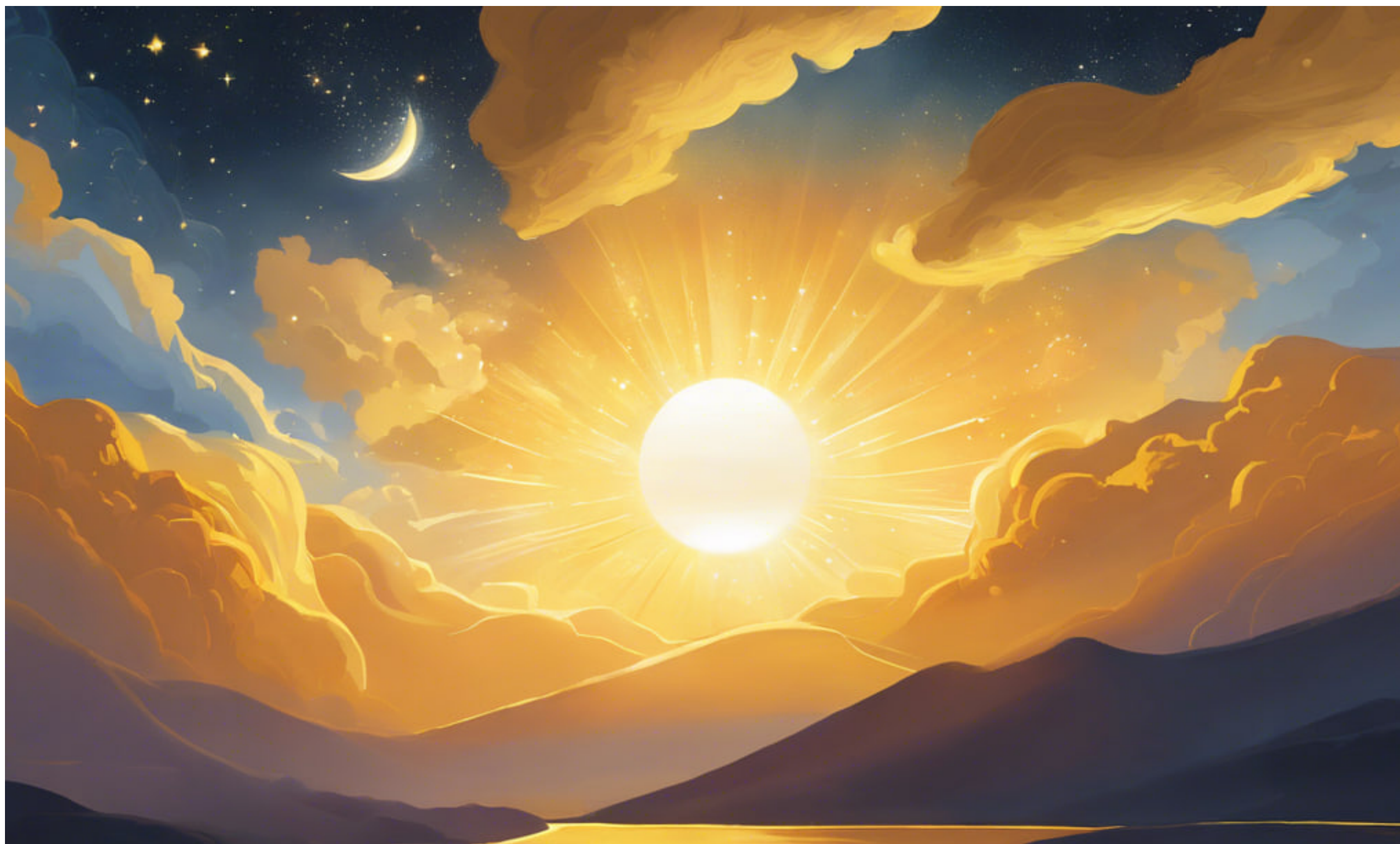
Четырёхдневное творение. Борис Ильич Гладков

Читатель Павел Краснюк из Уругвая обратился к редакции «Верности» со следующим вопросом, который дальше приводится из его письма: «В начале Библии мы читаем о трёх днях Божественного творения мира, и там уже говорится о вечере и утре. Как же могли быть определены вечер и утро в первые три дня, если светила, для отделения дня от ночи, были сотворены лишь на четвертый день? Я глубокий почитатель великих и бессмертных истин боговдохновенной книги Ветхого и Нового Завета и хотел бы, чтобы кто-нибудь из духовных мыслителей разрешил тайну, которой касается мой вопрос». — На заданный вопрос, над которым и многие другие, вероятно, недоумевают, — мудро и ясно ответит известный русский библейский толкователь Борис Ильич Гладков, разъяснения и размышления которого даются ниже. Все труды искренно верующего Б. И. Гладкова по религиозным вопросам сильно поражают всякие доводы неверия и религиозного еретического модернизма многих западных заблудившихся церквей. Необыкновенно прекрасен слог автора. Хотя затрагиваются сложные научные предметы, — при исключительной логике и чёткости изложения, автор не ушёл от чистоты русского языка. Простота совмещена с поэтической образностью. РЕДАКЦИЯ.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ТВОРЕНИЯ

В начале своего повествования, то есть в предисловии, Моисей говорит, что всё, и Небо, и Землю, сотворил Бог, — что создал весь мир Он не мгновенно, не сразу, а постепенно, — и что первоначально Он создал материю, из которой в известном, последовательном порядке и образовал всю вселенную.

Преподав эти общие понятия о миротворении, Моисей переходит к краткому изложению, в общих чертах, самого порядка сотворения мира, и начинает свой рассказ словами: **И сказал Бог: да**

будет свет! И стал свет (Кн. Бытие 1:3).

Мы уже знаем, что наше Солнце, как оно ни кажется нам громадным, в сущности не что иное, как одна из малых звезд, каких бесчисленное множество. С ближайшего к нам Арктура оно представляется маленькой звёздочкой, а с более отдаленных звёзд и совсем не видно. Следовательно, наше Солнце не могло осветить всю вселенную, не могло дать тот свет, о котором говорит Моисей. К тому же, и по смыслу сказания Моисея, нашего Солнца тогда еще не было. Поэтому мы должны признать, что этот свет, вызванный творческой силой Бога, был свет иной, осветивший всю вселенную. Что свет этот не мог быть светом нашего Солнца, с этим соглашался и Св. Василий Великий, назвавший его первобытным светом (Беседа 2 на шестоднев).

Какой же это был свет, если в первый день творения не было ни нашего, ни никаких других солнц? Ответ на этот вопрос дает наука; и, хотя её ответ основан на предположении, но это предположение так правдоподобно и основано, притом же на законах природы, то есть законах Божьих, что к нему можно относиться с доверием.

Созданный Богом материал, из которого потом создавался мир, должен был состоять из газообразной массы, наполнявшей беспредельное пространство. Каждая мельчайшая частица этой массы обладала данной ей Богом силой взаимного притяжения, действующей и теперь. Все частицы притягивали друг друга, но те из них, которые оказывались плотнее других, стали одолевать менее плотные частицы и притягивать их или тянуть к себе, то есть сильные стали тянуть к себе слабых, а слабые потянулись к сильным и стали соединяться с ними. От такого соединения сильных с слабыми, от такого обогащения сильных, они стали еще плотнее, а, следовательно, и еще сильнее, и потянули к себе и более отдаленные частицы. Такое движение частиц материи, устремившееся к срединам (центрам) уплотненных масс, превратилось во вращательное; вращательное же движение придало вращающимся массам шарообразную форму. Закон природы, созданной Богом, гласит, что при всяком движении образуется теплота; поэтому и частицы первобытной материи, придя в движение вследствие тянущей их силы, стали развивать теплоту. С усилением движения увеличивалось накопление тепла, частицы материи стали нагреваться все сильнее и сильнее, стали, наконец, накаливаться и распространять свет. И осветилось тогда все беспредельное пространство тем вселенским, первобытным светом, о котором говорит Моисей. Образованием этого света окончился, так называемый, первый день творения.

Рассказав о сотворении света, Моисей говорит: **и увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один (Кн. Бытие 1:4-5).**

По поводу слов Моисея — и увидел Бог свет, что он хорош — Иоанн Златоуст говорит: «Неужели до появления света Бог не знал, что он хорош, а только после его появления воззрение на него показало Создателю красоту сотворенного?»

Какой умный человек может сказать это? Если же человек, занимающийся каким-нибудь искусством, прежде чем окончит своё произведение, прежде чем обработает его, знает употребление, для коего полезно это произведение, то тем более Создатель вселенной, приведший Словом все из небытия в бытие, знал ещё прежде сотворения света, что он хорош.

Для чего же Моисей употребил такое выражение? Блаженный Пророк говорит так, снисходя к обычаю человеческому. Как люди, делая что-либо с великой тщательностью и окончив труды свои, произносят похвалу своим произведениям лишь по испытании их, так и Божественное Писание, снисходя к слабости слуха нашего, говорит: и увидел Бог свет, что он хорош. Итак, когда услышишь, что Бог увидел и похвалил, то понимай эти слова богоприлично и как следует о Боге. Создатель ещё прежде сотворения знал красоту сотворенного; но так как мы, люди немощные, не в состоянии были бы узнать это иначе, то Он и расположил блаженного Пророка употребить эти грубые выражения для научения рода человеческого (Беседа на Книга Бытие 3:3 и 4:4).

Рассказав о сотворении света и назвав отсутствие света тьмою, Моисей опять снисходит до уровня понимания современных ему евреев и говорит, что **назвал Бог свет днём, а тьму ночью; и был вечер, и было утро: день один (Кн. Бытие 1:5)**. Повествуя затем и о других днях творения, Моисей каждый раз повторяет: и был вечер, и было утро. Зачем же он говорит о вечере и утре, когда, по-видимому, и сам не считал дней творения нашими земными днями? Ведь в своей молитве, помещённой в Псалтирь под названием 89-го псалма, он говорит, обращаясь к Богу: пред очами Твоими тысяча лет, как день вчерашний! и говорит он так потому, что дни творения протекали пред Богом, а не пред человеком, тогда ещё не существовавшим; деление же времени пред очами Божьими нам неизвестно.

Объясняя подобные выражения Моисея, Иоанн Златоуст говорит, что «род человеческий был тогда ещё слаб и не мог понять совершеннейшего учения; поэтому Дух Святой, двигавший устами Пророка, говорит нам приспособительно к слабости слушающих» (Беседа III, 2). И Василий Великий находил, что Моисеевы вечер и утро не могли зависеть от света нашего Солнца (Беседа 2 на шестоднев).

Применяя к этим словам Моисея способ толкования, предложенный Иоанном Златоустом, мы должны признать, что Моисей упоминает о вечере и утре не потому, что день творения имел и вечер и утро, а потому, что его современники с понятием о дне неразрывно связывали и представление о начале и конце его, и что, без упоминания о вечере и утре, они, пожалуй, и не поняли бы деления на дни творения всего времени, в течение которого создан мир. Вот почему, заговорив о таких неопределенных периодах времени, которые он назвал днями творения, и не имея возможности обозначить чем-либо начало и конец таких дней, он, применяясь к понятиям человеческим, называет начало дня творения вечером. Не надо забывать, что Моисей писал для евреев, которые, как и современные нам евреи, начинали день не с утра, как мы, а с вечера. По-настоящему следовало бы сказать: и было утро, и был вечер; но Моисей, выражаясь по-еврейски, говорит: и был вечер, и было утро. А это доказывает, что он приспособлялся к понятиям евреев и писал нарочно так, чтобы они поняли его.

Итак, образованием вселенского, первобытного света окончился первый день творения. Как продолжителен он был, Моисей не говорит; да это и не входило в план его повествования, так как он хотел только убедить евреев, что весь мир создан Богом.

ВТОРОЙ ДЕНЬ ТВОРЕНИЯ

Прошли, вероятно, миллионы лет, в течение которых созданная Богом материя группировалась,

по Его же велению, во вращающиеся шары раскаленных газов. Вращательное движение развивало в этих шарах центробежную силу, которая отрывала от них наружные части и образовывала новые вращающиеся шары, подчиненные той же воле Божьей или (что одно и то же) законам созданной Им природы. Так образовалось наше Солнце, а от него отделилась Земля и сама отделила от себя Луну; таким же образом образовались все планеты нашей солнечной системы и планеты всех прочих солнц необъятной вселенной.

Таким отделением планет, вероятно, и начался второй день творения, о котором Моисей говорит так:

И создал Бог твердь. И назвал Бог твердь небом. И был вечер, и было утро: день второй (Кн. Бытие 1:6-8).

А это означает, что, в течение второго дня творения, в беспредельном пространстве вселенной образовались уже из бесформенной первозданной материи отдельные светила, которыми усеяно все, так называемое, Небо; дальнейшее же действие сил природы в каждом светиле в отдельности продолжалось в следующие дни творения.

Это вполне понятно из приведенных слов самого Моисея. Но к ним он добавил еще нечто, кажущееся не вполне понятным, если сказанное им принимать в буквальном смысле. **И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды! И стало так. И создал Бог твердь, и отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью. И стало так. И назвал Бог твердь небом (Кн. Бытие 1:6-8).** При чтении этого рассказа, недоумеваешь: о какой воде говорит Моисей? и зачем понадобилось разделять воду на две части, на находящуюся под твердью и находящуюся над твердью?

При буквальном понимании этих слов, рассказ Моисея действительно может показаться странным. Поэтому, руководствуясь советом Иоанна Златоуста, мы должны толковать эти слова Моисея богоприлично. Лопухин, в своей «Толковой Библии», говорит, что «наивному уму первобытного еврея небесная атмосфера представлялась в виде твердой покрышки, разделявшей собою атмосферические воды от земных вод; по временам эта твердая оболочка разверзалась в том или другом месте, тогда небесные воды через это отверстие изливались на землю. Так думали первобытные люди. И Библия, говорящая языком сынов человеческих и приспособляющаяся к слабости ума и слуха нашего, не считает нужным вносить какие-либо научные поправки в это наивное мировоззрение» (стр. 7).

Не отвергая такую наивность мировоззрения первобытных людей, я думаю, что разделению вод можно дать и другое объяснение. В начале своего повествования Моисей говорит о сотворении Богом первозданной материи, из которой потом был создан весь мир; при этом он поясняет, что Дух Божий носился над водою. Из этого можно заключить, что, по мнению Моисея, первозданная материя была жидкой, как вода, и заполняла все беспредельное пространство. Но так как из этой материи образовались все небесные светила с их планетами, сгустившись в уплотненные шары и образовав между собой пустоты, то, вероятно, в таком сгущении и последовавшем через это разделении первозданной материи Моисей и усматривал разделение вод над твердью и под твердью. Выражаясь языком сынов человеческих, он и говорит, что создание тверди или неба заключалось в этом разделении вод, без которого все беспредельное пространство по-прежнему

оставалось бы сплошь залитым первозданной материей.

Итак, во второй день творения произошло окончательное разделение первозданной материи на самосветящиеся уплотненные шары; и если бы в то время возможно было посмотреть с нашей Земли на Небо, то оно представилось бы усеянным звездами.

Этот второй день творения продолжался очень долго: потребовалось много миллионов лет, чтобы, например, отделившаяся от Солнца Земля охладилась и покрылась сначала жидкой, а затем и твердой оболочкой, корой. По мнению ученых, потребовалось не менее 3 000 миллионов лет для того, чтобы земной шар охладился с 2 000 до 200 градусов.

Отделившись от Солнца, земной шар многие миллионы лет кружился в пространстве, постепенно охлаждаясь. Сначала белый и блестящий, как Солнце, он, спустя некоторое, весьма продолжительное, время сверкал уже желтым цветом золота; потом, по мере охлаждения, становился светло-красным, тёмно-красным и, наконец, совсем потух. По мере охлаждения, наружные газообразные части Земли превращались в жидкие, а эта жидкая оболочка шара стала затвердевать, превратилась в твердую кору. Внутренний жар действовал на эту кору, поддерживая её в раскаленном и еще светящемся состоянии.

Известно, что от нагревания все предметы расширяются, то есть увеличиваются в своем объеме, а от охлаждения они сжимаются, уменьшаются в объеме. Это закон природы или закон Бога, создавшего природу. Так и земной шар, по мере охлаждения снаружи, стал сжиматься, уменьшаться в объеме. Когда наружные части превратились в твердую кору, то сжатие шара все-таки продолжалось, но неравномерно; твердая кора сжималась гораздо медленнее, чем находившаяся под нею раскаленная масса; пока твердая кора оставалась почти в том же, мало изменяющемся по объему, виде, находившиеся под нею раскаленные части, при охлаждении, сжимались сильнее и стали занимать меньше места; а от этого между корой и внутренним ядром образовалось пустое пространство. Как только под твердой корой образовалась пустота, так кора, в силу своей тяжести, стала опускаться за ядром: но так как, при таком опускании, кора должна была занять меньшее пространство, чем занимала прежде, то она, опускаясь, стала ломаться; опустившись же до внутреннего ядра, вся она превратилась в складки или морщины. Наглядным изображением земной коры после такого опускания её может служить сморщенное сухое яблоко: его кожура, оседая по мере высыхания сердцевины, покрылась такими же складками или морщинами. Эти складки земной коры и образовали горы и целые цепи гор.

Под напором внутреннего жара, земная кора ломалась множество раз и покрывалась выступавшими изнутри огненными реками, которые снова расплавляли уже отвердевшие части её. Воздух был насыщен водяными парами; все небо было закрыто тучами, гремели раскаты грома, сверкала молния, и ветер выл в безжизненной пустыне. Почти непрерывно лился проливной дождь, горячий, как кипяток, на раскаленную почву; соприкасаясь с нею, он тотчас же обращался в пар и поднимался вверх, чтобы там немного охладиться и вновь упасть на землю, и вновь взлететь под облака. И так продолжалось великое множество лет.

Когда же поверхность земли настолько охладилась, что падающий на неё дождь не обращался уже моментально в пар, тогда только вода начала скопляться на поверхности земли. И на этом окончился второй день творения. И было у этого дня свое утро, то есть начало, и был вечер, то

есть конец дня творения, продолжавшегося сотни миллионов лет; а за ним наступил следующий период, названный Моисеем третьим днем творения.

ТРЕТИЙ ДЕНЬ ТВОРЕНИЯ

И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша! И стало так. И назвал Бог сушу землёю, а собрание вод назвал морями (Кн. Бытие 1:9-10).

Этому сказанию Моисея нисколько не противоречат выводы науки. Действием созданных Богом сил природы, земной шар к третьему дню настолько уже охладился, что непрерывно падавшая на него из облаков горячая вода уже не закипала и не испарялась вся без остатка, а стала понемногу скопляться в образовавшихся в земной коре углублениях и низинах, стала наполнять их и образовала моря и озера. Словом, вода, которая в виде перегретого пара находилась в воздухе и облаках или под небом (как выразился Моисей), стала собираться, по воле Божьей, в одно место; и тогда поверхность земного шара представлялась частью покрытой водою, частью же непокрытой. И назвал Бог покрытую водою часть морями, а непокрытую — сушею. И стало так, по сказанию Моисея, вполне согласному с выводами науки.

Надо заметить, что, сказав о сотворении во второй день неба, Моисей в дальнейшем повествовании своем говорит уже только о Земле, так как и все сказание его предназначалось для обитателей Земли. Если он в рассказе о четвертом дне творения и говорит о Солнце, Луне и Звездах, то только потому, что они с того лишь дня стали видны на Земле; но об этом будет сказано ниже.

Как только вода стала собираться на поверхности земли, подчиняясь воле Божьей, выраженной в словах — да соберется вода! — так и началось размывание водою земной коры и образование наносных слоев.

В те времена действовали те же законы природы, как и теперь. Всем известно из повседневных наблюдений, что вода, выпадающая в виде дождя, сбегает с высоких мест в низины и уносит с собой частицы той почвы, по которой протекает; в низинах, где вода эта задерживается, оседает принесенная ею земля, и образуется нанос. С каждым дождем, а в особенности с весенним половодьем, происходящим от таяния снега, наносы эти увеличиваются и с течением времени образуются пласты значительной толщины. В моем имении, например, был большой пруд, в котором лет пятьдесят назад ловили рыбу неводом, и я сам, в детстве своем, видел эту ловлю; пруд был глубок, местами глубже сажени. А в настоящее время это сенокосный луг, поверхность которого достигла уровня воды бывшего пруда. Пруд этот стал мелеть вследствие отлагавшихся на дне его наносов, и за такое сравнительно короткое время пласты этих наносов достигли саженной толщины! При обозрении же бассейна этого пруда, то есть той местности, с которой дождевая и весенняя вода стекала в него, нельзя не заметить множества рытвин и оврагов, которых прежде не было; да и плодородный слой окрестных пахотных полей стал, конечно, тоньше за это время. И все, что за это время увлекала с собой вода, уносилось вниз, частью отлагалось в моем пруду, частью же — в ниже лежащих прудах и болотах. И такие явления, вероятно, наблюдал каждый из моих читателей.

Точно такие размывы поверхности земли и отложения наносов в морях и озерах происходили

прежде, в течение всего третьего дня творения, происходили потом и будут всегда происходить. За многие миллионы лет поверхность земли много раз меняла свой вид: горы размывались и постепенно в виде наносов отлагались в морях; моря от наносов мелели и превращались в сушу; кора земная продолжала охлаждаться, оседала, давала трещины, разламывалась и воздвигала новые горы и горные цепи.

Но поверхность земли, непокрытая водою, не только размывалась водою, но еще и выветривалась под влиянием воздуха, водяных паров и попеременного повышения, и понижения температуры, то есть из твердых каменистых пород образовывались рыхлые слои почвы.

Когда, таким образом, образовались моря, да и суша покрылась рыхлым слоем, то есть когда земной шар наш был достаточно уже подготовлен к произведению растений, то сказал Бог: **да произрастит земля зелень, траву сеющую семя, по роду и по подобию её, и дерево плодовитое, приносящее по роду своему плод, в котором семя его на земле! И стало так. И был вечер, и было утро: день третий (Кн. Бытие 1:11-13)**.

Из этих слов Моисея видно, что земля не сразу покрылась разнообразной растительностью, а постепенно: сначала появилась зелень, потом травы и затем уже деревья.

С этим вполне согласны выводы науки, основанные на растительных остатках, находимых в различных слоях земной коры. В наидревнейших слоях находятся остатки только водорослей, из чего и заключают, что растительная жизнь появилась первоначально в воде в виде самых простых организмов или в виде зелени, как говорит Моисей. К тому же библейскому виду растительности относятся мхи и лишайники, появившиеся на суше. После того, появились так называемые цветковые растения, дающие семена или, по-библейски, травы, сеющие семя, и самыми поздними представителями растительного мира были плодовые деревья, которые появились, по всей вероятности, лишь к концу третьего дня творения или началу четвертого.

В течение этого, весьма продолжительного, периода времени, названного третьим днем творения, земная кора была еще сильно нагрета, а воздух так насыщен парами, что небо постоянно было покрыто сплошными облаками. Это была грандиозных размеров теплица, в которой, на топкой болотистой почве, быстро вырастали гигантские растения, не встречающиеся теперь нигде на земном шаре. Тут были исполинские древовидные папоротники с великолепными кронами, состоявшими из длинных перистых листьев; были гигантские хвощи, названные каламитами; были пятнадцатисаженные сигиллярии с щетинистыми листьями и столь же громадные лепидодендроны, стволы которых были покрыты чешуйками. Все эти первобытные леса сохранились до нашего времени в виде пластов каменного угля. Громадные залежи каменного угля во всех странах земного шара свидетельствуют о том, что воздух того времени, когда росли первобытные леса, был так насыщен углекислотой, что животная жизнь на суше была еще невозможна. Надо было очистить воздух от избытка углерода, находившегося в нем в виде углекислоты, и эту задачу исполнили первобытные леса, оставив нам в наследство неисчислимые запасы угля.

«Растительность этого периода, хотя и пышная, отличалась большим однообразием, потому что состояла всего из нескольких видов. Птицы еще не качались на ветвях деревьев, млекопитающие не оживляли еще чащи лесов. Душный, насыщенный водяными парами, воздух, горячая,

дымящаяся испарениями почва, безмолвная тишина, нарушаемая не голосами одушевленных существ, а лишь шумом дождя и завыванием ветра в вершинах темных деревьев! Земля была в то время окутана густым покровом облаков, так как, благодаря высокой температуре почвы, атмосфера заключала в себе гораздо больше водяных паров, чем в настоящее время» (Освальд Геер).

Мы сказали, что в то время воздух был так насыщен углекислотой, то есть газом, вредным для дыхания, что животная жизнь на суше была еще невозможна. Но животные самых низших типов, живущие в воде, были уже и в этом периоде, как о том свидетельствуют остатки их, находимые в пластах, отложившихся в то время. И это нисколько не противоречит сказанию Моисея о сотворении пресмыкающихся и рыб, живущих в воде, лишь в пятый день творения. Да, Моисей говорит, что пресмыкающиеся и рыбы созданы в пятый день; а наука говорит, что до появления пресмыкающихся и рыб появились простейшие типы животных, составляющих переходную ступень между растениями и животными, как-то: корненожки, губки, кораллы, морские лилии, звезды и ежи, а также моллюски; и в этом нет никакого противоречия.

Если некоторые из этих животных так близко примыкают к растениям, что даже называются животно-растениями, то понятно, что все эти типы, появившиеся в третий день, не могли быть сочтены за настоящих животных первым человеком (или Моисеем), перед умственным взором которого прошли, открытые ему Богом, картины мироздания. Поэтому о них ничего и не говорится в повествовании Моисея.

Утверждать, что каменноугольным периодом окончился третий день творения, нет никаких оснований. Очень может быть, что в течение того же дня творения первобытные леса были уже погребены под новыми наслоениями и, разлагаясь без доступа к ним воздуха, образовали известные теперь пласты каменного угля, а на новых напластованиях появилась новая растительность; а может быть, четвертый день творения застал первобытные леса еще в полном их росте. Для нашей цели это не имеет никакого значения. Для нас важно, что сказание Моисея о третьем дне творения вполне согласуется с выводами науки.

ЧЕТВЕРТЫЙ ДЕНЬ ТВОРЕНИЯ

Повествование Моисея о четвертом дне творения представляет для толкования непреодолимые затруднения, если понимать его буквально. Но о буквальном понимании его нельзя даже и говорить, так как оно изложено применительно к уровню понимания малоразвитых людей. Современники Моисея представляли себе небо в виде твердого свода или купола, к которому прикреплены звезды, Солнце и Луна, и считали, что Солнце и Луна больше всех светил небесных; поэтому и Моисей говорит, что в четвертый день **Бог поставил два светила великих на тверди небесной.** Называя Солнце и Луну великими светилами и говоря, что Бог поставил их на тверди небесной, Моисей, очевидно, выражался удобопонятным для его современников грубым языком сынов человеческих. Поэтому, если понимать буквально все сказание Моисея о четвертом дне, то надо признать, что небо представляет твердый сводчатый купол, в котором врезаны звезды и поставлены (утверждены) Солнце и Луна; но так как современные знания, доступные и малообразованным людям, не допускают таких младенческих понятий, то и в остальном повествовании о четвертом дне творения надо доискиваться истинного смысла, то есть богоприличного понимания этого откровения. В этих поисках нам

поможет сам Моисей и наука.

По сказанию Моисея, Бог создал небо во второй день. Хотя Моисей называет небом все, кроме Земли, но так как в дальнейшем повествовании он говорил не о сотворении Земли, но об устройстве её, как уже существовавшей, то следует признать, что и Земля создана в тот же второй день. Словом, во второй день созданы вчерне, если можно так выразиться, все так называемые звезды и наша солнечная система, в последующие же дни происходила, так сказать, отделка их; но Моисей говорит об отделке одной лишь Земли, так как его повествование и предназначалось для её обитателей, и говорит притом как живущий на Земле человек, перед взором которого, на Земле, прошли все картины мироздания.

Но если это так, то зачем же он говорит о создании Богом в четвертый день Солнца, Луны и звезд, созданных уже, по его сказанию, во второй день? Чтобы ответить на этот вопрос, приведем весь рассказ его о четвертом дне:

> 14 И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной для отделения дня от ночи, и для знамений, и времён, и дней, и годов;
>
> 15 И да будут они светильниками на тверди небесной, чтобы светить на землю. И стало так.
>
> 16 И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днём, и светило меньшее, для управления ночью, и звёзды;
>
> 17 И поставил их Бог на тверди небесной, чтобы светить на землю,
>
> 18 и управлять днём и ночью, и отделять свет от тьмы. И увидел Бог, что это хорошо.
>
> 19 И был вечер, и было утро: день четвёртый.
>
> Бытие 1 глава — Библия: https://bible.by/syn/1/1/

Хотя Моисей и не называет эти два великих светила, но несомненно, что он говорит о Солнце и Луне.

Внимательное чтение этого рассказа приводит к заключению, что главная мысль его — это освещение с четвертого дня Земли Солнцем, Луной и звездами, такое освещение, какое могло уже установить видимое на Земле деление земных суток на день и ночь, и замечаемое также на Земле возвращение её через год в то же положение относительно Солнца. А для этого не предстояло никакой надобности создавать вторично Солнце и Луну; надо было только сделать их видимыми с Земли. Мы знаем уже, что Земля была долгое время окутана густыми облаками, сквозь которые не могли быть видны ни Солнце, ни тем более Луна и звезды. Сначала вся вода, наполняющая теперь наши океаны, моря, озера и реки, наполняла нашу атмосферу в виде горячего, перегретого пара; этот пар, охлаждаясь в верхних слоях, падал горячей, как кипяток, водой на раскаленную Землю и мгновенно опять поднимался вверх. По прошествии миллионов лет, когда поверхность Земли настолько уже охладилась, что падающий на неё горячий дождь не превращался уже снова в пар, тогда вода стала накопляться на Земле и образовывать небольшие озера и моря; но все еще большая часть воды находилась в воздухе в виде пара, который

застилал всю Землю и скрывал от неё не только звезды и Луну, но даже и Солнце. Но Земля продолжала охлаждаться, и, по мере её охлаждения, количество воды в морях, озерах и реках увеличивалось, а количество пара в воздухе уменьшалось; и когда, наконец, облака, окутывавшие Землю, настолько разрядились, что на Землю упал первый луч Солнца, то первобытному обитателю Земли, если бы он мог существовать в то время, показалось бы, что только с этого момента и стало светить Солнце, что только теперь оно и создано для него Богом; такое же впечатление произвели бы на него Луна и звезды в первую ясную ночь.

Надо полагать, что и Моисей, в своем повествовании, говорит, применяясь к тому впечатлению, какое могли бы произвести первые лучи Солнца, Луны и звезд на предполагаемого обитателя Земли тех времен. Если верно предположение о том, что тайна мироздания была открыта Богом первому человеку в видении, в виде быстро сменяющихся картин, то верно также и то, что весь рассказ Моисея передает не действительный порядок мироздания, а лишь впечатление, произведенное на первого человека (а может быть, и на него самого) этими богооткровенными картинами, то есть видением. Пораженный в этом видении разорвавшимися над головою его густыми облаками и открывшеюся чудною картиной звездного неба, затем восходящей Луны и всеоживляющего Солнца, и привыкший уже по первым картинам считать, что все увиденное им только что и создано, — он пришел к заключению, что лишь в четвертой картине, отождествленной им с четвертым днем творения, Бог поставил на тверди Солнце, Луну и звезды, и это заключение свое передал своему потомству.

Поэтому следует признать, что в четвертый день творения Солнце, Луна и звезды стали видимыми на Земле, но созданы во второй день.

Думаю, что это — единственное правильное объяснение, устраняющее явное противоречие Моисея самому себе и выводам науки.

Как продолжителен был этот четвертый день творения, неизвестно; вероятно, он был не так продолжителен, как предшествующие.

Журнал "Верность" № 1-3, 1936 год, страницы с 9 по 15

Комментарии
